
ОБЫКНОВЕННЫЕ
МОНСТРЫ
ИЗ ПАНЕЛЬНЫХ
ПЯТИЭТАЖЕК
АНАСТАСИЯ
ЕВСТЮХИНА
роман
18+
Имена. Российская проза

Анастасия Евстюхина

Обыкновенные монстры из панельных пятиэтажек

Серия «Имена. Российская проза»

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=74788226
Обыкновенные монстры из панельных пятиэтажек. роман:
Издательство АЗБУКА; Москва; 2027
ISBN 978-5-389-35951-2

Аннотация

Это книга о любви. О том, что ее без всяких условий и компромиссов достоин каждый ребенок на свете. Что делать, если твоя долгожданная дочь – с особенностями и выбивается из группы сверстников? Принять это и действовать, исходя из сложившихся обстоятельств? Или уйти в отрицание, доказывая всем и прежде всего себе, что все нормально?

Лида – не самый обыкновенный подросток, в ее медицинской карте стоит диагноз «олигофрения». Но она учится в обычной школе, получая тройки и слабые четверки, ведь уроки за нее делает мама. Родители боятся, что кто-то посторонний узнает о болезни и тогда на будущем их дочери придется поставить крест.

Однажды морозным зимним вечером Лида не вернулась домой с прогулки. Родители встревожены: что могло произойти? Прежде чем обратиться в полицию, отец начинает собственное

расследование. Он перебирает вещи в комнате Лиды, надеясь подобрать ключик к страшной тайне. Отец девочки не знает, но у него есть только одна ночь, чтобы ее разгадать.

Содержание

19:08 8
19:30 16
19:41 19
История, которую мог бы рассказать велосипедный фонарик 29
Конец ознакомительного фрагмента. 40

Анастасия Евстюхина
Обыкновенные монстры из панельных пятиэтажек

© Евстюхина А., 2026
© Оформление. ООО «Издательство АЗБУКА», 2027

* * *

АНАСТАСИЯ ЕВСТЮХИНА

ОБЫКНОВЕННЫЕ МОНСТРЫ ИЗ ПАНЕЛЬНЫХ ПЯТИЭТАЖЕК

Fiction
Москва

Посвящается отцу

И если вообще стоит печалиться, будем печалиться о гибели человека, нанесшего нам ущерб, а не о лишении имущества.
Святитель Феофан Затворник

19:08

21 декабря, вторник, – 6 °С.

Тонкие цифры на экране казались травинками, вмерзшими в кубик льда. Отец ходил по комнате туда-обратно, насупившись, опустив голову. Подходил, дотрагивался одним пальцем – пробуждал неизвестно зачем мобильник, отходил снова. Экран вопросительно смотрел в потолок, готовый, верный, но гас, не дождавшись следующего прикосновения.

– Оль, ты точно не заметила ничего необычного?

Мать с лицом, похожим на расколотую чашку, белесым, бестолковым, сидела на диване.

– Нет. Отпросилась погулять. Я думала, во двор. Куда же еще она может пойти?

Отец резко остановился, его брови вычертили решимость.

– Для начала проверим страничку «ВКонтакте». Может, нашла новую подружку или друга? Прорабатываем эту версию, потом уже полиция и так далее. Но априори надеемся только на себя. Поняла? Позвони классной. Может, договорилась погулять с кем-нибудь из ребят. Позвони нейропсихологу, вдруг у нее будут идеи. Димке с Ирой позвони, поговорим с Алёной… Что еще?

Ольга от страха остекленела. Она держала себя так, будто могла вся разбиться от неосторожного движения. Единственная дочь. Дрожащими руками она набрала номер учи-

тельницы.

– Марита Борисовна? Извините за беспокойство. Семейный вечер, я понимаю. Но у нас… чрезвычайное происшествие. Лида пропала!

В прихожей что-то громыхнуло. Глаза матери вспорхнули – пришла, пришла! Отец кинулся к двери. И восторгом, и гневом горели его глаза – ох, отругаю! Ох, облегчение-то какое – счастье!

– Лида! Лидочка!

Мать, опустив телефон вниз, спросила:

– Андрей, что там? Это она? Она?

– Ах ты, зараза. Стремянка в коридоре опять поехала, надо закрепить. Никто не пришел. Сядь.

Мигом возвратилась Ольга в стылое пространство тревожного ожидания новостей – новостей плохих. И Андрей возвратился. Захлопнулась надежда, защелкнулась. Свернулась, как картинка при выключении кинескопа, – сперва в линию, затем – в точку.

За холодным стеклом – пустой двор. На снежной эмали – черные трещины деревьев, желтые колючки фонарей, лужицы бликов на дверцах замерших автомобилей. Смотреть – стынуть. И где-то там, в глубине этих безжизненных ночных дворов, – девочка. Бредет, вздрагивая от холода. Заблудилась, сидит на уличной скамейке, не решаясь никуда двинуться с перепугу, бессмысленно глядит на экран севшего телефона. Или лежит, отдавая огромной белой земле ма-

ленькое тепло. Доченька! Нет, не пришло еще время думать о плохом. Слишком рано. Слишком сложно – не думать.

Андрей прижал лоб и кулаки к стеклу – смотрел, смотрел, смотрел. Будто в ночных дворах обитало разумное темное божество. Будто это божество могло услышать его немую мольбу и вернуть ему дочь, если он попросит. Потребует.

– Марита Борисовна, извините еще раз. Спасибо вам за помощь. Сколько сможете обзвонить, остальных – сами… С наступающим.

Андрей прошел в комнату дочери. Бестолково стал перекладывать на столе тетради. Они пахли чем-то знакомым, сладким – девичьим. Пастой из шариковой ручки, карамельками, туалетной водой – как же он радовался, когда Лида попросила на день рождения новый аромат и модную лампу для закрепления маникюра – взрослеет девочка, несмотря ни на какие диагнозы…

Тут и лампа стоит. Лида сама по коротким видео с телефона научилась ею пользоваться: накрасит ноготь, нарисует завитушку тонюсенькой, в три волоска, кисточкой, прилепит стразик, сунет под купол. И вот он готов, ноготок, гладкий да крепкий, как камушек, блестящий, как масло. Любит Лида ноготки. Может, есть уже готовая профессия? И по уму ей, и по нраву. Да вот зациклилась Ольга на поступлении в колледж…

С кухни тянуло плотным мясным духом – пух, поспевал в духовке плов. К возвращению. Ворожба домашняя, заговор

на хороший конец. Любит Лида плов, обожает. Особенно – с черносливом.

– Привет, Дим. Извини за беспокойство, Алёна дома? Если она не занята, позови, пожалуйста… Спасибо огромное!

Ольга с телефоном – в дверях Лидиной комнаты. Андрей поднял голову от стола.

– Я не знаю… не знаю… что у нее спрашивать?

Андрей молча протянул руку. Ольга вложила телефон ему в ладонь.

– Здрасьте, теть Оль! – Девичий голосок. Такой звонкий, как упавшая на кафель вилка. Чужой детский голосок.

– Привет, Алёна.

– Ой, дядя Андрей… Мне сказали, теть Оля звонит! У вас что-то случилось с Лидой?

– Да, к сожалению. Мы не знаем, где она.

– Я тоже не знаю… Расстались как обычно сегодня. После школы. Даже на площадке почти не гуляли, стало холодно. Мы немножко покачались на качелях и разошлись.

Ольга стояла рядом, жадно вслушиваясь.

– Почему ты не проводила Лиду? – громко сказала она в телефон.

– Оля, – шепотом осадил жену Андрей, – зачем ты так? Алёна же просто ребенок! Она не обязана пасти нашу дочь…

– Я ничего не знаю, – донесся из динамика испуганный голос.

– Ничего страшного. Расскажешь сколько знаешь… Лю-

бая мелочь может быть полезной. Вспомни, пожалуйста, Лида не рассказывала о каких-нибудь новых знакомых? О новых местах, куда хотела бы сходить?

– Не, ничего такого. Мы ходили на днях в ТЦ у метро за подарками для игры в «Тайного Санту». Должны были встретиться на углу, как обычно. И она чуть опоздала. Была нахлобученная какая-то. Я спросила, чего случилось. Она – ничего. Ну, мы пошли в ТЦ.

– Что-нибудь еще?

– Один раз, тоже не очень давно, мы после уроков вышли на улицу, и она бегом кинулась к парню какому-то высокому. Не из нашей школы точно. Вроде бы с челкой. Мне только помахала. И они вместе ушли.

– Она тебе не рассказывала про того парня?

– Нет. Но один раз я видела, как ей на физре типа любовное сообщение пришло. Наверное, тоже от него.

– Спасибо тебе, Алёнушка. Поблагодари своих родителей.

– О, я же вам про кошку не рассказала! Погодите! Вот это было максимально странно.

– Про какую кошку?

– Бродячую. Она покупала ей в «Пятёрочке» корм «Феликс» и высыпала в миску возле подвальной дыры. Я с Лидой ходила только один раз, всякие бездомные блохастые животные – это вот вообще не моя тема. Причем никакую кошку я не видела, мы ждали, ждали, уже замерзать начали, а Лида говорила: «Подождем еще чуть-чуть, сейчас выйдет». Мы

подождали чуть. Потом еще немного. Но кошка так и не показалась. Извините, если вся эта лабуда только вас запутает. Но я честно больше ничего не знаю…

– Спасибо еще раз, Алёна. Ты очень нам помогла.

– Дядь Андрей, не за что. Если вспомню еще что-нибудь, позвоню. Или папа позвонит. Спокойной ночи.

Экран телефона, оставленного на столе, полминуты с надеждой разглядывал потолок и снова обернулся черным отполированным камнем. Андрей открыл ноутбук, обклеенный бабочками, сердечками, блестяшками.

Лида никогда не выходит из своего «ВКонтакте».

Ольга протянула руку, нетерпеливо схватила телефон и оживила его прикосновением.

– Кому теперь?

Андрей пожал плечами.

Лидин рюкзак стоял на стуле. Полностью собранный, застегнутый. Наружный кармашек с принтом из «Бравл Старс» набряк от пенала.

Уроки по большей части были сделаны заранее, накануне отшлифованы окончательно, и мама, как обычно, поручила дочери сложить все аккуратно. Какую огромную работу проводит Ольга день за днем! Проверяет в домашнем задании каждую букву; если чего-то Лидочка не понимает, объясняет по десять раз, талдычит одно и то же – не разумением, так зубрежкой, но возьмем, возьмем мы эту алгебру, будь она неладна. Кажется, у Будды кончилось бы терпение, но не

у Ольги… Там, где дочь совсем не справлялась, мать тупо делала сама. Решала, чертила, сочиняла сочинения. Проторенной дорожкой ходила к учителям, брала дополнительные задания для дочери на дом, где-то хитрила, где-то умоляла. Сколько раз Андрей говорил: «Да хватит уже, Оль, что ты мучаешь ее… и себя… Давай переведем в спецшколу. Ей самой там будет проще, Оль. И ты… Посмотри, ты себя совсем загоняла. Не отдыхаешь ни минуты с этой учебой! На время экзаменов ты ей свою голову не пришьешь, Оль, рано или поздно все выплывет наружу…» Но Ольга оставалась непреклонна. Во что бы то ни стало ей нужно, чтобы дочь закончила общеобразовательную школу. Как все нормальные дети. Чтобы никто не узнал. Чтобы никто не догадался. Чтобы сама Лида не поняла, не дай бог, что с ней что-то не так… В школе полно троечников. Хулиганов, от которых учителя на стены лезут. Им как-то натягивают трояки и выдают аттестаты. Неужели не дадут ее Лидочке, ее послушной, милой, спокойной девочке?

Ольга водила дочь за руку. Везде, всегда. В ответ на недоуменные взгляды и подавленные ухмылки родных, знакомых, случайных прохожих с потрясающей изобретательностью находила она отговорки разной степени нелепости: тяжелые времена, короткий световой день, близость области, бродячие собаки, уличное движение, ларьки, мигранты, стройка, бомжи, алкоголики, маньяки, черный рынок детских органов… «Это же естественно – беспокоиться за сво-

его ребенка, не так ли?» – вопрошала она очередного свидетеля, вздумавшего задаться вопросом, почему четырнадцатилетнюю девочку опекают как пятилетку. Всеми правдами и неправдами Ольга старалась скрыть от окружающих Лидину особенность. Андрей чувствовал: она так до конца и не приняла, не смирилась… Диме, Ольгиному брату, и его жене рассказать пришлось, Лиду специально устроили в одну школу и один класс с их дочерью Алёной, чтобы в естественных условиях подросткового коллектива у нее была хоть какая-то поддержка и пригляд.

К Лидиному тринадцатилетию Андрей в утомительных прениях выторговал для нее у жены право гулять во дворе до темноты с включенным мобильником. Каждый час (а то и чаще) Ольга прозванивала дочь – слышала голос, говорила две-три незначащие фразы, успокаивалась.

Лида не опаздывала. Едва небо теряло яркость, срывалась домой, на полуслове, без объяснений, чтобы не передумать, – всегда забывая метафорическую туфельку в виде незавершенной игры или разговора. Даже если было весело – и даже если очень весело. До слез.

19:30

Лиды нет. «Аппарат абонента выключен или находится вне зоны действия сети». Последняя координата *GPS* – станция метро «Пушкинская». Что она там делала? Она ведь… «Гулять только в близлежащих дворах». Она ведь слушалась! Всегда.

Ольга продолжала дозваниваться, бормотала извинения: «Неудобно, да, портить вечер. Спасибо, до свидания. С наступающим. Простите за беспокойство. Спасибо. Вас тоже. Спокойной ночи».

Все одноклассники Лиды – дома.

Счастливые родители смотрят новости, ужинают, лениво обсуждают сериал, политику, прошедший день. В их квартиры не зашел холод с улицы. Холод неприсутствия. Холод молчания. «Спокойной ночи». По-новому играет смысл привычных слов, произносимых на автомате. «Спокойной ночи». Это когда все дома, тепло, плов, бормотание телевизора. Не про сегодня. Не про них.

– Анна Алексеевна? Здравствуйте. Прошу прощения за поздний звонок…

Нейропсихологу, моложавой изящной женщине под пятьдесят, с пальцами в кольцах и с кольцами рыжих волос по плечам, уходила значительная часть семейного бюджета. Ольга была убеждена, что модные занятия с красками, те-

стом, глиной, песком, какими-то деревянными фигурками разных размеров и форм приносят ощутимую пользу и Лидочкин интеллект увеличивается изо дня в день, однако Андрей ничего подобного не замечал. На него возложена была обязанность водить дочку в бассейн по воскресеньям: Анна Алексеевна внушила Ольге, что расслабление шейного отдела в воде тоже будет способствовать Лидиным успехам. «Во вред точно не пойдет», – думал Андрей, покорно купая дочь, благо бассейн приносил девочке много радости: она любила топить непотопляемые гантели и садиться попой на пенку для плавания. Дикий восторг у Лидочки вызывал момент, когда она теряла равновесие и пенка выскальзывала, опрокидывая ее в воду. Она выныривала, похрюкивая от смеха, и повторяла свой трюк снова и снова. Неясно, благотворно влияло это на шейный отдел или пагубно, но Андрей считал, что, как бы там ни было, любой ребенок имеет право на абсолютно счастливые и совершенно беззаботные минуты, потому что потом у человека их уже может не быть никогда…

Ольга вошла в комнату поверженная.

Андрей ничего не спросил.

Рука с телефоном висела вдоль тела. Список контактов был вычерпан – у могучей неизвестности не выиграно ни пяди.

Андрей листал оставленные на столе учебники. Сам не знал зачем. Руки занять. Алгебра, физика. Страницы пахли смехом, сдержанным, прижатым к груди ладошками, стис-

нутым щекой, сладким-сладким.

F=ma

Как инженер, он знал, насколько школьные формулы упрощены и сокращены. Как отец, он бережно всматривался, вдумывался в хрупкий мир, встающий со страниц. Андрей не мог себе представить, как преломляются эти буквы основного закона движения во внутреннем космосе его белокурой девочки. Описание этого космоса врачи тоже упростили, сведя к трем символам:

F70[1]

Одна страница загнута. Обведены карандашом номера задач. А здесь, в уголке страницы, – смайлик. Послание?

С лестницы раздались голоса. Ольга вздрогнула. Оба замерли, прислушались.

Нет. Не к ним. Не звонят.

Минута пытки надеждой.

И все смолкло.

Андрей на всякий случай вышел в прихожую, поглядел в глазок.

---

[1] F70 в Международной классификации болезней 10-го пересмотра (МКБ–10) обозначает умственную отсталость легкой степени.

19:41

– Позвоним в полицию?

– Не станут они ничего делать, запишут данные да повесят трубку. А то и вовсе скажут: шатается, обычное дело. Эка невидаль: девочки вечером дома нет… Не неделю же нет ее, в самом деле… Да и Новый год на носу, у ментов аншлаг. Не до нас.

Андрей вздохнул. Он представил лицо полицейского, которому он, отец, мог бы сказать, в общем-то, правду: «Да не может моя дочь уйти шататься, просто не способна. Ее и во двор-то выпускаем с телефоном, и в магазин мать ее посылает с опаской, и в троллейбусе она одна не ездит… В городе не ориентируется сама».

Посмотрели бы на Андрея сочувственно? Усмехнулись бы? Или не удивились даже? Дурочку родил. Бывает! Что для него, отца, трагедия – для кого-то просто строчка в справке или галочка на бланке…

Андрей открыл страницу дочери «ВКонтакте».

Перешел в список чатов. Пролистал вниз.

Сообщения затемнены – непрочитанные.

«Что задано?»

Конечно. Каждый раздолбай в классе знает, у кого спра-

шивать. Ежедневно Ольга просматривает электронный дневник, усаживает дочку за стол и заставляет вписывать задания по всем предметам в соответствующие строчки. Лида послушно царапает бумагу, ей это нравится: заполнять архаичный бумажный дневник у нее получается хорошо. Пишет она аккуратно, даже, наверное, слишком для обыкновенного ребенка, с сильным нажимом выводит круглые, ровненькие и одинаковые, как петельки опытной мастерицы, буквы. Пишет медленно, вдумчиво, посапывая от усердия. Ольга бдит над ней, гипнотизируя взглядом выползающие из-под ручки строки; если Лида сбивается, вписывает что-то неверно или не туда, мать тут же замазывает огрех вонючим белым корректором.

Андрей листает дальше.

Смайлик с глазами-сердечками

Стикер

Стикер

Андрей не любил стикеры. Когда кто-нибудь из коллег кидал их в чат – каждый раз затруднялся ответить. Как молодежь вообще понимает друг друга, перекидываясь этими моргающими и прыгающими чудиками?

Алёна *(была час назад)*

(вчера)

Сообщения светлые. Андрей кликнул – открылась переписка.

Кружочек с Ягами Лайтом из «Тетради смерти»[2] (Алёна): *ты мне обещала все-все рассказать, помнишь?*

Кружочек с Сейлор Мун (Лида): *харошо, патом*

Андрей вздохнул. Тут мама ошибки не исправляет. С первого класса дочь как слышит, так и пишет. И сколько Ольга ни билась…

Кружочек с Ягами Лайтом: *ты мне давно уже обещала… (скептический смайл с ухмылкой)*

Кружочек с Сейлор Мун: *ни магу расказать (смайл с нимбом)*

завтра скажу (смайлик с глазами сердечками) *у нас будит празник (смайл с нимбом)*

Кружочек с Ягами Лайтом: *(смайл со ртом чертой)*

---

[2] «Тетрадь смерти» – культовые манга и аниме, Ягами Лайт – главный герой произведения.

Завтра. Завтра! Значит – сегодня! Андрей еще раз проверил время отправки сообщения.

«Празник». Воздух не входит в грудь. Андрею страшно. А еще – немножко радостно. Похоже, эта поздняя прогулка – долгожданный отрыв, неизбежный бунт взросления. Значит – его дочь не обошли стороной типичные подростковые закидоны… Значит – она такая же, как другие девочки. Ну, может, совсем чуть другая.

Ольга запрещала называть дома предполагаемый диагноз дочери. Она сама никогда не произносила слова «слабоумие», «умственная отсталость», «дебильность», «интеллектуальная недостаточность». Все эти термины стали в семье табу. Разрешались только обтекаемые прилагательные.

«Лида у нас – особенная девочка. Своеобразная. Нестандартная».

«Празник».

Андрей разглядывал буквы, рожденные прикосновениями детских пальцев к клавиатуре простенького ноутбука… Теплые пальцы. Как будто еще теплые буквы.

У Лиды «ВКонтакте» было открыто несколько вкладок.

Одна из них – профиль незнакомой девочки Карины.

«Малышка Каришка» – сердечки с двух сторон.

Статус: *Я тебя не извеню. Это самый ужастный новый год.* («Она так пишет, неужели у нее тоже диагноз?» – подумалось Андрею на автомате.)

Что может связывать Лиду с этой девочкой?

Андрей прощелкал аватарки.

Ничего особенного.

Карина в летнем платье на бретельках, Карина с букетиком на чьей-то свадьбе, Карина с собачкой, мохнатой, глаз не видать. Просто Карина. Карина с красными губами. Карина с ушками неизвестного науке зверя, неаккуратно приклеенными в мобильном фоторедакторе.

Одна фотография привлекала внимание.

Балкон многоэтажки, жемчужные сумерки, бисерная россыпь огней. Каришу обнимает высокий парень с челкой.

Андрей заметил, что соседняя вкладка открыта именно на этой фотографии – та выведена на весь экран.

Значит, Лида тоже разглядывала ее?

Высокий парень. Парень с челкой.

Откуда она, эта Каришка?

Ни фамилии, ни номера школы.

Стена – сплошные мемы и перепосты из групп.

Песни.

Друзья (нет общих)

Кто угодно может прятаться за профилем девочки Каришки. Это же Интернет. Иногда Андрей даже понимал свою мать: та жила в селе и вливаться во Всемирную сеть категорически отказывалась. Банковские карточки и всевозможные личные кабинеты считала порождением зла и пенсию получала по старинке – на книжку. Он пытался было угово-

рить ее: ты ничего не потеряешь, электронные деньги, мол, такие же настоящие, как и бумажные, только вставать спозаранку и на автобусе, который ходит трижды в сутки, ехать за ними не надо, они сами на карточку приходят… Почти убедил. Но когда соседку мошенники телефонные обработали, перекрестилась мать и зареклась: «Доживу и так».

Может, права старушка. В Интернете как-то спешно все да неспокойно: покупки в один клик, быстрые знакомства, моментальные платежи. Нет времени порассуждать, поразмыслить. Кликай и кликай… А иногда и похабщина несусветная – как выскочит, как выпрыгнет, прошмыгнет среди вкладок – развидел бы с радостью, да никак…

Андрей вернулся к фотографии ребят. «Где это они?» Он увеличил изображение, приглядываясь к пейзажу. Качество снимка не позволяло разглядеть мелкие детали, сумерки стирали границы, превращая город в серовато-синее полотно. И все же Андрею удалось разглядеть купол знакомой церкви, несколько приметных зубцов многоэтажек и далекую трубу завода.

Он открыл карту города.

Судя по расположению объектов на фото, снимали где-то в близлежащих дворах. Но ведь там нет высотных домов? Андрей подошел к окну. Из окна девятиэтажки церкви не было видно, только кончик заводской трубы. Снова вернулся к карте.

Странно…

Получалось, единственное место, где могла быть сделана фотография, – двадцатиэтажная новостройка, ЖК «Горизонты любви». Но ведь дом еще не сдан? Андрей открыл сайт застройщика. Яркие рендеры перемежались с заманчивыми описаниями будущего ландшафтного дизайна во дворе, удобной квартирографии и выгодных условий по ипотеке.

«Ключи в следующем году!» – гласил баннер, пересекающий экран.

Выходит, дом не сдан. Что тогда там делала эта школота?

Каришка-малышка. Высокий парень с челкой.

Андрей пролистал Лидину историю поиска в гугле. Большая часть запросов создана Ольгой, конечно же.

формулы сокращенного умножения

эпоха возрождения картинки

тайный санта что па дарить

реформы петра великого таблица

климатообразующие факторы

ловец снов купить с доставкой

На стуле стоял Лидин рюкзак – Андрей ютился на краешке.

Он переселил рюкзак на пол. Подумал – взял на колени. Расстегнул молнию. Ярко и свежо запахло яблоком: Ольга с вечера завертывала для Лиды фрукты в салфетки.

Учебники, тетрадки, дневник.

На стене висело расписание уроков. Андрей быстро сверил с ним вынутые учебники. Будто бы Ольга могла что-то забыть или перепутать…

Все растеряши и растяпы в классе знают, у кого, если что, попросить учебник/ручку/резинку/атлас…

На дне рюкзака обнаружились странные предметы – оторванный велосипедный фонарик и несколько бумажных тарелок с надписью: *«Happy Birthday»*.

Андрей выложил находки на стол.

Тетради. Тетради. Одна к одной, как чашки из сервиза. Круглобокие буквы и цифры. Слова с нелепыми ошибками, написанные поразительно красиво и ровно. Пропущенные строки с оборванными окончаниями и точками в начале. Лида писала медленно, очень медленно, и Ольга просила ее, когда она что-то не успевала на уроке, оставлять строки пустыми. Лида приходила домой, и пропуски бережно заполнялись под материным руководством. Когда Ольга не стояла над дочкой, запятых ставилось гораздо больше, чем нужно. Восклицательный знак возникал в конце почти любого предложения. Нравился он Лиде, счастливый знак, веселый. По краям страниц вились нарядные «косички» из обведенных тетрадных клеток. Алёна научила. Лида, когда чего-то не по-

нимала или переставала успевать, рисовала на всех уроках эти косички, тщательно их заштриховывала, разукрашивала цветными ручками, без конца.

Андрей нетерпеливо пролистывал тетради с конца. Искал заметки на полях, имена, места, номера – вдруг! вдруг! – буквы крупой просеивались сквозь тетрадную сетку, быстрее, быстрее – Андрей торопился, – упругие страницы спотыкались, склеивались друг с другом – буквы убегали, не оставляя ничего, проходили все до единой сквозь грубое спешное отцово сито.

Андрей зачем-то открыл учебник географии – осторожно, корешок скрипнул; бумага добротная – плотная, светила ровно, мягко, как пасмурное небо. На закладке ручкой нарисовано сердечко. Линия немного смазана.

Фонарик на столе бриллиантил от света люстры.

Вошла Ольга с длинным шлейфом кухонного запаха.

– Плов будешь? С черносливом…

Еда не полезет, Андрей чувствовал – но кивнул. Пусть положит, пусть, пусть побренчит тарелками-ложками, поскребет по казану лопаточкой – хоть на минутку отвлечется, забудется.

– Это откуда?

Сияя, фонарик взлетел со стола в Ольгину руку.

– Из рюкзака.

– Ясно.

Ольга положила фонарик обратно.

Ничего ясного. Зачем отражатель, когда нет велосипеда?

Если бы вещи имели голоса! Андрею вспомнился рассказ бабушки о вазе, простоявшей почти полвека на антресоли в одной старой петербургской квартире. Декабрьской ночью тридцать седьмого, пока в прихожей надрывался звонок, хозяйка спешно наполнила вазу драгоценностями, присыпав их сверху гречкой. Балансируя на стремянке, дрожащими руками задвинула поглубже… В блокаду в той же квартире молодая женщина с мальчиком, обессиленная, засыпала с голоду, укрываясь ватником, укрывая ватником, обнимая холодным телом, утешая: «Ты спи, спи, Семанька, завтра получим хлебушка, поедим», и ваза молчала, как героическая комсомолка на допросе, молчала, глиняная, толстобокая, с гордым профилем. В девяностых, делая ремонт, антресоль сломали, гречневую труху и пыль вытряхнули, онемели, обрадовались…

Если бы…

История, которую мог бы рассказать велосипедный фонарик

Купили велосипед! Папа и Лида возвращались из спортивного магазина по солнечной улице. Я блестел изо всех сил. Сиял. Сверкал. Переливался. Брызгал светом во все стороны. Лида была довольна, ее голосок звенел, звонок брякал, спицы сливались в мерцающий круг. Это был уже совсем летний день в конце мая.

Мама поахала, конечно. «Расшибешься!» Точно Лида хрустальная. «Под машину попадешь! Дальше двора – никуда!» Но папа ее осадил: «Тротуары у нас хорошие, широкие. Пусть катается. Координацию развивает. Мне не веришь, Анну Алексеевну свою спроси…»

Это папа здорово придумал, с велосипедом! Кататься куда интереснее, чем просто бродить.

Выставили четвертные и годовые – ребята высыпали во дворы. Только Лиду не оставили в покое: мама говорит, чтобы поддерживать ум в тонусе, заниматься нужно постоянно… Прогулка – два часа в день. В хорошую погоду можно дольше, если выполнена программа занятий. Можно даже сходить в ТЦ у метро, если с Алёной.

Это тоже папа придумал. И маму Ольгу убедил, что ТЦ у метро недалеко, идти туда несложно, Лида не заблудится,

ведь она с Алёной и с телефоном. С ними точно не пропадешь. А в ТЦ столько всего яркого и блестящего! Раздолье! Реки света в широченных коридорах. Стеклянные берега! А еще там открылся «Бургер Кинг».

Родители Алёны работали и, вместо того чтобы готовить дома, давали ей деньги. Невзначай она приобщила к лимонадно-бургерной культуре и Лиду.

Мама Ольга не поощряла фастфуд: открыто его не запрещали, но количество контролировалось; Анна Алексеевна, непререкаемый авторитет, считала, что быстрые углеводы не способствуют развитию и поддержанию интеллекта. Лиду питали вареными бобами, которые Ольга подрядила разводить на огороде свекровь, пророщенной пшеницей, горькими и сопливыми стеблями столетника алое, пропущенными через мясорубку и смешанными с лимоном, медом и имбирем; предлагалось верить, что смесь эта интенсивно питает мозг…

А вот к газированным напиткам Ольга была настроена агрессивно.

– Мам, купи мне лимонад, – просила Лида, – вон тот, оранжевый.

– Нет, Лидуша, не будем, это просто краска с сахаром. В нем никакой пользы.

Лида задумалась:

– Какая краска? Акварельная или гуашь?

До ТЦ лучше всего на великах. Если идти, то идешь, идешь, идешь и придешь, а велик – только ж-ж-ж, и уже там!

Лида ждет первой прогулки на двух колесах с большим нетерпением. Подходит, трогает руль, шины, раму. Я подмигиваю ей, когда она включает лампочку в коридоре. Или когда до меня доползает полоска света из ванной. Если рано лечь спать, завтра скорее наступит.

Только бы погода не подвела! Ведь если пойдет дождь, мама не разрешит кататься. А Лиде ужасно хочется! Уи-и-и-и-и-и-и! Несешься на всей скорости – словно ножницами прорезаешь ткань воздуха, и позади тебя разлетается она на два полотна ветра, и весело, и уши стынут.

Проснувшись, Лида первым делом выбежала на балкон. А там – солнце, ветер, облака – вышла, вдохнула – сразу полная голова лета сделалась!

Чистить зубы, завтракать – скорей! скорей! Мама не дает спуску. Лида могла бы исполнить необходимые ритуалы, даже не просыпаясь.

Струя воды с шипением выползает из крана, как бесконечная змея. Лампочка в коридоре не горит – я улыбаюсь Лиде маленьким бликом. Уже скоро. Совсем чуть-чуть осталось потерпеть. Выйдем на улицу – как засверкаю! Как заблещу! Забрызгаю всех прохожих серебряными искрами!

Только вот не повезло мне, случилась оказия. Видимо, плохо меня на заводе закрепили. Лида успела только кружок по двору сделать, испугалась столкнуться с детской коляс-

кой, резко тормознула, упала, и я отломался.

Лида вздохнула и положила меня в карман ветровки.

Так мы и пошли в ТЦ.

Мама Ольга всегда дает Лиде с собой на карманные расходы. Лида покупает в «Бургер Кинге» для себя и для Алёны. У Алёны тоже есть деньги, но она иногда врет, что нет, и ест на Лидины, чтобы свои накопить – купить косметику или бирюльки. Лида простодушно этого не замечает. Алёна – друг, для друзей не жалко.

В ТЦ с утра мало народу; в ресторанном дворике почти все столики свободные – девочки выбрали лучшие места, возле окон, чтобы лето не пропускать. Летом надо чаще в окно смотреть. И дома, и на даче, и в автобусе. Будто бы лето – захватывающий фильм. Чуть отвернешься – окно что-нибудь интересное покажет.

За одним из соседних столиков обосновались мальчишки из другой школы. Еда кончилась, и от нечего делать девочки стали наблюдать за ними. Один из пацанов, мелкий, юркий, лет семи-восьми на вид, подкараулил человека, собравшегося уходить, незаметно схватил с его подноса стаканчик, прополоскал его газировкой и ею же наполнил! Да так ловко он все провернул, кассирша даже не оглянулась.

Пацаны передавали стаканчик по кругу, жадно глотая, жмурясь и икая от пузырьков газа.

– Слышь, они украли лимонад, давай, короче, ты скажешь им, что типа нельзя так…

Это Алёна предложила. Ей совсем скучно стало и захотелось какой-нибудь заварушки.

– Почему я? – спросила Лида.

– А тебе что, слабо? – прищурилась Алёна.

Лида подошла к соседнему столику. Мальчишки дружно на нее посмотрели.

– Вы взяли стакан просто так. Я видела. А надо было платить. Так нельзя делать.

Мелкий рассмеялся на это ртом, полным черных зубов.

– Мошно! – воскликнул он. От того, что не все верхние зубы у него были в наличии, «ж-ж-ж» просвистело между ними как «ш-ш-ш».

– Нельзя, – повторила Лида строго.

– Мошно! – гоготал пацан.

– Ты что, зубы не чистишь? – спросила Алёна. Она повернула свой стул так, чтобы ей было удобно наблюдать за происходящим.

Паренек озадачился.

– И к стоматологу ни разу не ходил?

– А кто это?

– Во дает, – удивилась Алёна, – не был у стоматолога… Счастливый человек! Хотя как посмотреть…

– Тебя как зовут? – спросила Лида.

– Макф, а фто?..

Два других мальчика, одинаковые братья, тем временем подкараулили подносы еще двух ушедших посетителей, рез-

во осмотрели шуршащие обертки и пакеты, озираясь, как зверьки, – нет ли поблизости уборщиков. Им удалось добыть несколько годных палок картошки фри, пару наггетсов и почти нетронутое мороженое. Они принялись поглощать трофеи, ничуть не смущаясь.

– Вам, что ли, мама и папа не дали денег? – спросила Лида.

Макс, кажется, не понял. Или отвечать не захотел. Он протянул руку, и близнец вложил в нее картофельную палочку. Пацаненок невозмутимо отправил ее в рот.

– Ну вы даете…

В ресторанном дворике стало скучно, и Лида с Алёной отправились прошвырнуться по стеклянным коридорам, поглядеть на шмотки и красивую жизнь. Когда наскучило и это, спустились на парковку, к велосипедам.

Здесь обнаружились сегодняшние знакомые из «Бургер Кинга».

Одинаковые братья подошли и спросили без обиняков, можно ли прокатиться. Алёна сразу сказала, что ей не разрешают давать велик незнакомым ребятам. Братья стали спорить: мол, мы же уже познакомились наверху, в «Бургер Кинге», тебя вот Алёна зовут, ее – Лида, меня – Петя… Они так и не пришли к согласию, когда велики были отстегнуты.

Но тут Макс увидел каких-то больших ребят, кучковавшихся неподалеку, и пошел к ним. Одинаковые братья остались клянчить покататься у Лиды. Они, видимо, поняли, что с Алёной не столковаться. «Я только по парковке сделаю кру-

жок, и все!» – говорил один. «А я даже круг делать не буду, только доеду вон до того знака! – не отставал другой. – У меня никогда не было велика, но я всегда мечтал, я даже писал письмо Деду Морозу, но он мне не ответил!»

Лиде стало так жалко этих бедных братьев! Ведь обидно же, когда написал письмо, ждешь ответа, а он не приходит… Месяц ждешь, два, год. У Лиды так было с девочкой из Москвы, с которой она в Евпатории познакомилась. Они на пляже играли в мяч, делали замок из песка и камней. Девочка обещала писать, Лида ждала-ждала… Но ладно девочка, девочка могла Лидин адрес забыть, письмо мог почтальон потерять или даже случайно с ним утонуть или попасть в аварию… Но письмо Деду Морозу – совсем другое дело. Он же всех любит, он всем отвечает, просто не может не ответить! Лиде всегда отвечал… Каждый год мама Ольга ходит с ней на почту, чтобы отправить новогоднему дедушке письмо – в Великий Устюг. Это целый ритуал: Лидины письмо и рисунок складываются, запечатываются в конверт, тщательно проверяется адрес получателя, на конверт наклеиваются красивые марки… Может, дать близнецам покататься?

Братья стояли рядом с Лидой и держали руль велика с разных сторон, как будто это усиливало шансы получить его в распоряжение.

– Хорошо, – сказала она. – Надо как Дед Мороз – делать добрые дела просто так.

– Вот, это по-нашему! Здорово! Я мухой, туда-обратно! –

заголосили мальчишки, чтобы Лида не передумала, видимо. И тут Алёнка схватила подругу за рукав, оттащила в сторону, зашипела ей в самое ухо:

– Да ты и в самом деле хлебушек, я в шоке! Не сечешь, что ли? Они всё прут, они же отморозки! И велик твой угонят, не давай…

– Да ну… – сказала Лида. Сомнение возмутило немного ее хорошенькое лицо, как брошенный камушек гладь пруда.

Видя ее замешательство, Алёна взяла Лидин велик одной рукой за руль и затараторила ей в ухо:

– Твои родители башку мне оторвут, если ты без велика вернешься, поняла? Они меня попросили следить за тобой, потому что ты дура!

Пока Лида, сдвинув бровки, обрабатывала полученную информацию, на нее продолжали наседать близнецы:

– Ну так что, дашь нам покататься?

Раздувающиеся ноздри и постукивающие пятки в кедах выдавали их нетерпение… И еще что-то. Лиде показалось, что они уже не так дружелюбны, как в начале, поэтому заявила:

– Нет. Я спрошу у мамы дома и дам потом. Завтра.

Такой вариант, видимо, ребят не устроил, оба помрачнели. У одного лицо исказилось злобой, он тряхнул велик так, что руль больно ударил Лидину руку.

– Жадина! Тогда мы тебе фонарь оторвем!

Лида совсем не ожидала такой реакции, ведь она же хо-

рошо отнеслась к ним, посочувствовала. Она растерялась и испугалась. Ей захотелось плакать.

– Не надо, – попросила она.

Велик совсем новый, даже грязью не забрызганный, блестит, обидно же, если сразу его ломать. Один фонарик (я!) и так уже оторван, если еще один оторвать, что же это будет?! Лида, когда мечтала про велик, представляла, что у него будут фонари и спереди, и сзади, и на спицах тоже – как у Алёны раньше, пока не отломались… И все сбылось. Задний фонарь на Лидином велике – красный; я, передний, был белый, но когда солнечный свет на меня падал, я радугой переливался; на спицах фонари оранжевые, как «Миринда» – миринговые. Вообще, мы все не фонари, конечно, а отражатели, это одинаковые братья нас фонарями назвали…

– Мы сейчас охранника крикнем, – громко пообещала Алёна.

– Что тут у вас?

К нам приближались Макс и незнакомый высокий парень в синей футболке. Это он спросил. И голос у него был взрослый.

– Да ничего… – Братья как-то вдруг завяли, начали глазами крутить, руки в карманы спрятали.

– Они хотели от ее велика фонарь отломать! – Алёна выдала их с потрохами.

– Ах, фонарь… Ну, фонарей я вам понаставлю, если что. Я считаю до трех, и вас сдувает. Поняли, крысята?

Смотрел этот высокий парень на Лиду, хотя говорил будто бы с братьями. Лида заметила, какие у него ресницы – густые, прямые, как черная зубная щетка. А глаза – синие. От синей футболки они казались еще синее. Лиде этот секрет рассказала одна подружка с дачи, которая потом в Америку уехала с родителями. У подружки были серые глаза, самые обыкновенные. Но когда она надевала зеленые кофты, они начинали играть изумрудом. А с бирюзовыми кофтами казалось, что глаза голубые. С серыми джемперами, само собой, они оставались какие есть. И в дождь они всегда были серые. Поэтому подружка не любила пасмурную погоду, говорила: «Глаза у меня сегодня совсем скучные…»

– Меня Стас зовут.

Футболка, глаза, небо между облаками концентрировали синеву. Наверное, это были самые синие вещи в мире… Стас точно смотрел на Лиду, не на Алёну, не на Макса или братьев.

Лида сказала свое имя и тоже посмотрела на него. Он спас ее велик, это был благородный поступок. Они глядели друг на друга и ничего больше не говорили, и будто бы вокруг них начали падать розовые лепестки, как в гифках на телефоне, и будто бы заиграла небесная музыка…

– Ты из какой школы?

– Я в школе не учусь уже.

Лида немного опешила: парень-то совсем взрослый, оказывается.

– Ты ее закончил? Всю, целиком?

– Я в колледж пошел.

– Круто!

Лида от мамы уже знала, что она тоже будет поступать в колледж после девятого, и это большая удача – попасть в колледж, поэтому сейчас нужно учить наизусть формулы по алгебре, теоремы по геометрии, даты по истории, правила по русскому, чтобы от зубов отскакивало, чтобы, если даже ночью Лиду разбудят и спросят, она бы ответила как «Отче наш», в общем…

Лида зачарованно смотрела на Стаса. Он настоящий герой, он защитил ее! При этом Стас еще и умен: он поступил в колледж! Он сумел зазубрить все формулы, теоремы и правила, которые Лиде давались с большим трудом, в которых она путалась: иногда начинала говорить доказательство одной теоремы, а заканчивала куском из совершенно другого…

Поистине Стас достоин восхищения! Лиде только предстоит поступать в колледж. И неизвестно, получится у нее или нет…

Она от всей души улыбнулась парню. Он немного застеснялся.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, купив полную легальную версию на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.